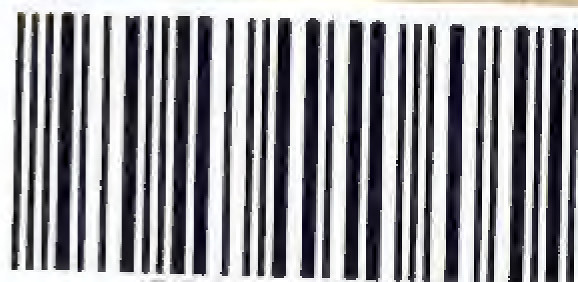

КНЯЗЬ

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ

ДОЛГОРУКОВЪ.

(Некрологъ).

—

Читатели *Русскаго Инвалида* уже знаютъ, что въ пятницу, 5-го января, скончался въ С.-Петербургѣ, оберъ-каммергеръ двора Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ. Покойный родился 24-го февраля 1804 г., и слѣдовательно, скончался, еще не достигши 64 лѣтъ отъ роду. Онъ оказалъ важныя заслуги въ прошедшее царствованіе, принималъ болѣе или менѣе близкое участіе въ великихъ преобразованіяхъ послѣдняго времени и, занимая высшія государственныя должности, оказывалъ важное вліяніе на успѣшный ходъ нѣкоторыхъ изъ этихъ преобразованій.

Покойный, по окончаніи домашняго воспитанія, 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу юнкеромъ л.-г. въ Конный полкъ; чрезъ два года онъ произведенъ въ офицеры; въ 1830 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, и въ войнѣ съ польскими мятежниками имѣлъ случай выказать и свое мужество, и свою расторопность, часто исполняя подъ жестокимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ даваемыя ему порученія. Чинъ ротмистра, ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, св. Анны 2-й степени и польскій знакъ отличія за военныя достоинства 4-й степени—были наградой за его труды. Въ 1830 году онъ состоялъ при графѣ Орловѣ, посланномъ въ Новгородскія Поселенія, гдѣ тогда происходили безпорядки. Въ 1838, 1839 и 1840 годахъ онъ находился въ заграничномъ путешествіи вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (нынѣ царствующимъ Государемъ). Вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и Цесаревною (нынѣшнею Императрицею), князь Долгоруковъ въ 1841 году ѣздилъ въ Москву, гдѣ, за болѣзнію гофмаршала двора Его Высочества, графа Олсуфьева, князь Долгоруковъ управлялъ дворомъ Наслѣдника Цесаревича. Въ томъ же году, въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ исправлять долж-

ность начальника штаба инспектора резервной кавалеріи. Подъ вѣдѣніемъ инспектора кавалеріи, какъ извѣстно, состояли тогда три резервные кавалерійскіе корпуса, расположенные въ Воронежской и Курской губерніяхъ и въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, а также и самыя эти поселенія. Должность начальника штаба, въ вѣдѣніи котораго сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о войскахъ и чрезъ котораго идутъ всѣ распоряженія власти высшей, представляла широкое поприще дѣятельности князя Василія Андреевича, и онъ оправдалъ оказанное ему довѣріе: кромѣ неоднократныхъ Высочайшихъ благоволеній, ему была объявлена въ сентябрѣ 1843 г., за полезную службу, «совершенная Его Величества признательность»; ему были пожалованы чинъ генералъ-маіора, званіе генералъ-адъютанта и ордена св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й степени; но настоящая должность была только приготовленіемъ къ другой, послѣдующей: 3-го ноября 1848 года покойный былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра; здѣсь онъ уже могъ выказать свои отличныя административныя способности. Время было тревожное. Едва наши войска окончили венгерскій

походъ и возвратились въ отечество, какъ безпокойное положенiе дѣлъ на Востокѣ вызвало вновь дѣятельность военнаго министерства: надо было готовиться на возможныя случайности. Въ это время князь Василiй Андреевичъ неоднократно, за отсутствiемъ военнаго министра, управлялъ временно дѣлами министерства, и, наконецъ, въ апрѣлѣ 1853 года, утвержденъ военнымъ министромъ. Внѣшнiя дѣла становились все болѣе и болѣе тревожными, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и дѣятельность военнаго министерства. Вскорѣ Россiя должна была напрячь всѣ свои силы: производились усиленные наборы, формировались подвижныя ополченiя, образовывались цѣлыя части войскъ, требовались огромные запасы продовольствiя, вооруженiя, и вотъ здѣсь-то дѣятельность покойнаго выказалась вполнѣ. Борьба загорѣлась на всѣхъ окраинахъ Россiи, надо было искусно распредѣлить средства обороны, вездѣ доставить необходимые способы, и на князѣ Василiѣ Андреевичѣ, какъ военномъ министрѣ, лежала вся тяжесть этого труда. Онъ блистательно выполнилъ свою обязанность. Монаршее вниманiе оцѣнило его труды: покойный былъ награжденъ орденами Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго, св. Владимiра 1-й степени и св.

Андрея Первозваннаго. Усиленная дѣятельность не могла не отразиться на здоровьи покойнаго, и онъ, по просьбѣ своей, въ апрѣлѣ 1856 года, былъ уволенъ отъ должности военнаго министра, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта и съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Однако, вслѣдъ затѣмъ, покойный былъ призванъ на другой постъ: въ іюлѣ того же года онъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, а чрезъ мѣсяцъ послѣ того—членомъ комитета министровъ, съ назначеніемъ присутствовать въ кавказскомъ и сибирскомъ комитетахъ. Исполняя обязанности по этимъ должностямъ, покойный принималъ и дѣятельное участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ: за труды его по этому дѣлу, ему Всемилостивѣйше пожалована въ 1861 г. золотая медаль, а въ 1863 г. —знакъ за успѣшное введеніе въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года.

10-го апрѣля 1866 г. покойный былъ уволенъ отъ должности шефа жандармовъ и главнаго начальника III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и, вслѣдъ затѣмъ, назначенъ оберъ-каммергеромъ Высочайшаго двора.

Блистательна была 46-ти-лѣтняя служба покойнаго. Онъ рано пріобрѣлъ довѣріе въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, рано успѣлъ снискать довѣріе и уваженіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Слѣдующія слова Высочайшаго рескрипта, даннаго на имя князя Василія Андреевича Долгорукова, въ 16-й день апрѣля 1866 года, лучше всего подтверждаютъ сказанное: «Съ первой молодости Моей, сказано въ рескриптѣ, по особому довѣрію къ вамъ почивающаго въ Бозѣ Родителя Моего, Императора Николая Павловича, вы, еще въ званіи флигель-адъютанта Его Величества, состояли лично при Мнѣ; Я неизмѣнно сохраняю въ сердцѣ Своемъ искреннее уваженіе къ вашимъ душевнымъ качествамъ и той преданности престолу, которою постоянно отличалось многолѣтнее, послѣ того, служеніе ваше на поприщѣ государственной дѣятельности.»

Иностранные монархи также цѣнили достоинства покойнаго князя; ему пожалованы были въ разное время ордена: австрійскіе—св. Стефана Большаго креста, Леопольда большаго креста и Желѣзной короны командорственный; королевско-прусскіе—Чернаго Орла съ брильянтами, Краснаго Орла 1-й ст. и св. Іоанна Іерусалимскаго

съ брильянтами; французскій—орденъ Почетнаго Легіона 1-й ст.; виртембергскій — Короны 1-й степени; баварскій—св. Губерта большаго креста; бельгійскій — Леопольда большаго креста; нидерландскій—Золотаго льва, Дома Нассаускаго 1-й степени; гессенъ-дармштадтскій—Людовика большаго креста; саксенъ-веймарскій—Бѣлаго сокола 1-й степени; ольденбургскій—Достоинства 1-й степени и орденъ за заслуги 1-й степ.; турецкій—орденъ Меджидіе 1-й степ.; датскій—Даннеброга 2-й степ.; баденскій—Церингенскаго льва командорственный; саксонскій — Гражданскаго достоинства 2-й степ.; шведскій—Меча 3-й степ. брильянтами украшенный, и ганноверскій—Гвельфовъ 3-й степени.

ВЪ ПАМЯТЬ

КНЯЗЯ

ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА

ДОЛГОРУКОВА.

—

8-го января, во второмъ часу дня, раздавшіеся въ мирныхъ окрестностяхъ Александроневской лавры три пушечные залпа отдали послѣднюю честь праху покойнаго князя Василія Андреевича Долгорукова, члена государственнаго совѣта, оберъ-каммергера и генералъ-адъютанта Его Величества. На кладбищѣ въ это время возносились къ Небу прощальные звуки молитвы, просившіе душѣ его вѣчную память; потомъ эти звуки замолкли и вслѣдъ за ними наступила торжественно грустная тишина: гробъ опущенъ былъ въ могилу. Впереди всѣхъ стоялъ Государь; на блѣдномъ, спокойномъ лицѣ его виднѣлись слѣ-

ды слезъ и глубокой печали; за нимъ стояла семья покойнаго князя и всѣ члены Царскаго Дома, а повсюду кругомъ—всѣ тѣ, которыхъ уваженіе и преданность къ покойному князю привлекли сюда отдать послѣдній долгъ земнаго привѣтствія.

Потомъ Государь и Великіе Князья уѣхали; за ними покинули кладбище всѣ другія лица. Все опустѣло, и міръ обычныхъ треволненій и суеты принялъ вновь въ свое лоно всѣхъ тѣхъ, которые на нѣсколько мгновеній приблизились къ могилѣ и мысленно созерцали то безмятежное царство, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, почестей, ни печалей, ни честолюбія, ни воздыханія, ни земнаго величія.

Внезапная эта смерть глубоко поразила и огорчила многихъ изъ обширной семьи, знавшихъ князя лично; но и въ душу тѣхъ, которые знали его мало, или знали о немъ чрезъ другихъ, она вложила что-то горькое и грустное. Въ словахъ: «какъ жаль бѣднаго князя», въ оцѣнкѣ этого печальнаго событія слышалось не одно простое и обычное сожалѣніе надъ умершимъ сановникомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ палатахъ царскихъ и въ убогомъ жилищѣ бѣдняка искреннія слезы, въ одно время, почтили свѣтлую память покойнаго князя.

Здѣсь Государь и Государыня оплакивали вѣрнаго и безукоризненно честнаго друга; тамъ облагодѣтельствованная семья бѣдныхъ утрачивала своего благодѣтеля!

Бросимъ взглядъ на эту жизнь, чтобы понять, почему кончина князя почувствовалась такъ глубоко въ нашемъ обществѣ.

Жизнь князя Василія Андреевича Долгорукова была жизнію тѣхъ немногихъ, которые высоконравственными и свѣтлыми сторонами ея призваны служить примѣрами современникамъ и грядущимъ поколѣніямъ. Никто изъ государственныхъ лицъ нашего времени не стоялъ такъ высоко по своему положенію, такъ близко къ престолу Государя, какъ покойный князь. Съ того дня, какъ Государь Николай I-й, осчастливилъ своимъ вниманіемъ молодаго офицера, до той минуты, какъ сорокъ лѣтъ спустя, Державный Сынъ Его бросилъ горсть песку на дорогой Ему прахъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ не переставалъ быть преданнымъ слугою Государя, въ самомъ честномъ и правдивомъ значеніи этого слова. Съ ранней молодости до вечера своихъ дней, жизнь князя Долгорукова была свѣтла и ясна какъ день, была безупречна, и отличалась самымъ строгимъ исполненіемъ обя-

занностей христіанина, человѣка и гражданина. Его добрая, привѣтливая улыбка, которую иногда строго осуждали лица, не знавшія его близко, была выраженіемъ свѣтлой души, не знающей зла, но непреклонно вѣрящей въ добро. Она не поблекла въ самыя трудныя минуты его жизни, и запечатлѣнная на бездыханныхъ устахъ его, она какъ бы свидѣтельствовала о свѣтлой совѣсти покойнаго, съ которою онъ готовъ былъ предстать передъ нелицепріятномъ судомъ Божіимъ.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ князь Василій Андреевичъ сталъ любимцемъ земнаго счастія. Онъ выдвигался изъ толпы красивою наружностію, громкимъ именемъ и милостію къ нему покойнаго Государя. Жизнь его была, слѣдовательно, полна прелестей, но полна и искушеній, изъ которыхъ главнѣйшее могло быть — эгоизмъ и рядъ постепенныхъ уступокъ совѣсти предъ тѣми обольщеніями почестей и счастія, которыя незамѣтно ослабляютъ въ баловнѣ судьбы строгое пониманіе обязанностей чести, нравственности и вѣры.

Но не таковъ былъ характеръ покойнаго. Въ молодости, юнымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ былъ примѣромъ столько же самаго

строгаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, сколько строго порядочнаго и строго нравственнаго образа жизни. 23-хъ лѣтъ онъ женился. Супруга его, графиня Сентъ-При, принесла за собою большое состояніе; но эти богатства не измѣнили его простаго, чуждаго роскоши и малѣйшей прихоти образа жизни. Молодой супругъ требовалъ, чтобы его домъ былъ домомъ вельможи для княгини и для свѣта, но лишь съ тѣмъ, чтобы въ немъ былъ одинъ человѣкъ, который бы имѣлъ право быть всегда внѣ этой роскоши; этотъ человѣкъ былъ онъ самъ! И такимъ онъ остался до послѣдняго дня своей жизни. Его счастіе заключалось въ полномъ самоотреченіи, въ отсутствіи всякихъ заботъ о себѣ, въ безукоризненно-точномъ исполненіи своихъ обязанностей, служебныхъ и затѣмъ въ жизни, отданной всецѣло другимъ, но всегда подъ видомъ самого холоднаго, слегка разсѣяннаго, а иногда и насмѣшливаго равнодушія. Когда, послѣ кончины княгини, сыну его исполнилось совершеннолѣтіе, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ отдалъ ему все наслѣдство покойной княгини, а самому себѣ оставилъ получаемое имъ жалованье, изъ котораго значительная часть всегда тайно уходила на бѣдныхъ.

Отъ этой таинственности въ благодѣяніяхъ князь Василій Андреевичъ не отступалъ ни подъ какимъ видомъ. Она была потребностію его чистой, высоко-христіанской души и доставляла ему истинное наслажденіе. И сколько семействъ было имъ облагодѣтельствовано, которыя до сихъ поръ не знаютъ, откуда приходила имъ нежданная и всегда широкая помощь.

Теперь посмотримъ, какова была жизнь князя Василія Андреевича Долгорукова, какъ государственнаго человѣка и Государева друга, два священныя, но съ тѣмъ вмѣстѣ столь трудныя и отвѣтственныя поприща. Къ обоимъ не боишься приступать, ибо ничто въ нихъ не можетъ набрасывать даже легкую тѣнь на память почившаго князя.

Въ государственной службѣ, князь съ перваго до послѣдняго дня ея ничего никогда не искалъ и ни разу уста его не промолвили слова, чтобы напомнить о себѣ. Строгая честность, безпредѣльная привязанность къ своему Государю и отечеству не позволяли ему ни на одинъ день отречься отъ тѣхъ обязанностей, которыя на него возлагало довѣріе Царское, какъ бы обязанности эти ни были трудны и не согласны съ его природою. Воля Государя была для него священна и не-

эмблема, какъ законъ; а чистая его совѣсть была всегда, на пройденномъ имъ государственномъ поприщѣ, руководителемъ каждаго его дѣйствія. Довѣріе же и любовь къ нему Государей были для него неисчерпаемымъ источникомъ добра для другихъ. Міръ интригъ былъ честной душѣ его даже непонятенъ: онъ думалъ и твердо вѣрилъ, что всѣ люди свѣтлы и честны, какъ онъ самъ. Онъ не зналъ также, что значатъ обѣщанія и фразы, такъ часто, въ утѣшеніе людямъ, раздающіяся въ пріемныхъ великихъ міра сего. Его слово было всегда отвѣтомъ яснымъ и точнымъ: сказанное беззащитному просителю, оно имѣло ту же цѣну, какъ слово, промолвленное Государю.

На долю князя Долгорукова выпалъ грустный жребій быть военнымъ министромъ въ ужасную годину севастопольской войны. Богъ видитъ въ глубь сердца человѣка, а не люди! Кто могъ быть свидѣтелемъ того, что должна была испытывать русская душа его, когда на кровавыхъ развалинахъ славнаго вѣкогда Севастополя тысячами падали герои и разрушалось столь прочное зданіе славы и силы 30-ти-лѣтняго царствованія. Кто проникалъ въ его душу, чтобы быть въ правѣ сказать: нѣтъ, князь Василій

Андреевичъ Долгоруковъ не страдалъ болѣе другихъ передъ этимъ неумолимымъ безсиліемъ всего, что такъ долго считалось непоколебимою силою. Кто, наконецъ, можетъ, вспоминая эти дни, ужасные дни, сказать рѣшительно «да», на вопросъ: лучше ли бы сдѣлалъ покойный князь, еслибы въ тѣ минуты, когда душа возлюбленнаго его Государя изнемогала отъ страданій, онъ покинулъ его на томъ поприщѣ, гдѣ удерживало его довѣріе этого Государя. Исторія, безпристрастная грядущаго времени, промолвитъ свой отвѣтъ и свой судъ, но мы можемъ только съ уваженіемъ преклоняться предъ человѣкомъ, который, не измѣнивъ себѣ, глубоко страдалъ скорбью русскою и скорбью человѣческою, и притомъ изъ всѣхъ самою болѣзненною, ибо это была скорбь пораженнаго самолюбія. Послѣ кончины Государя, князь Долгоруковъ былъ сдѣланъ главноуправляющимъ III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Здѣсь Провидѣніе готовило ему новый и тяжелый ударъ. Но прежде посмотримъ, чѣмъ была его дѣятельность на этомъ еще болѣе трудномъ, еще болѣе несогласномъ съ его природою и характеромъ поприщѣ. Входить и пытаться проникать въ обязанности и нравственный міръ этого мѣста не-

возможно. Онъ надолго еще будетъ тайною, какъ таинственны были аттрибуты его въ прежнее время. Но какъ понималъ это мѣсто покойный князь —это не было тайною ни для кого. Его задача здѣсь, какъ и вездѣ, была самое строгое исполненіе обязанностей управленія, на этомъ учрежденіи лежавшихъ, съ тѣмъ, чтобы все бремя физическаго дѣла и нравственныхъ заботъ и нераздѣльныхъ отъ нихъ тяжелыхъ впечатлѣній падало на него одного. Но оставляя себѣ всю тяжесть, всѣ трудныя и горькія впечатлѣнія, всегда скрываемыя подъ свѣтлымъ и добрымъ выраженіемъ лица, князь Долгоруковъ на этомъ мѣстѣ дѣлалъ то, что онъ дѣлалъ до конца своей жизни вездѣ: онъ творилъ добро, но не въ банальномъ, а широкомъ значеніи этого слова. Сколько мы знаемъ случаевъ, гдѣ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ оказывалъ бѣднымъ офицерамъ, семействамъ въ нищетѣ, ссылаемымъ въ Сибирь и разнымъ другимъ несчастнымъ, прибѣгавшимъ къ Царской помощи, широкое заступничество. И какъ горячо было участіе этого, повидимому, всегда холоднаго человѣка, какъ неутомима была инниціатива этого, повидимому, смирнаго и ни во что не вмѣшивавшагося человѣка, когда онъ являлся ходатаемъ о защитѣ невиннаго и объ огражденіи закономъ беззащитнаго!

Но 4-е апрѣля совершилось къ ужасу и омерзенію цѣлаго міра! Богъ явилъ Свою спасительную десницу и обезсилилъ преступный замыселъ. Пораженный этимъ событіемъ, князь Василій Андреевичъ въ тотъ же день проситъ Государя уволить его отъ своей должности, и не только умоляетъ *объ этомъ*, но проситъ этого увольненія, за свою неспособность исполнять возложенную на него должность! Мы не боимся это слово связать съ его свѣтлымъ именемъ, ибо оно еще выше, еще свѣтлѣе являетъ въ глазахъ Россіи его личность. На другой же день князь Василій Андреевичъ переѣхалъ на частную квартиру и навсегда покончилъ съ государственною дѣятельностью. Въ этомъ поступкѣ выразился весь человѣкъ; обыкновенный ли это поступокъ, былъ ли князь честный государственный человѣкъ въ общеупотребительномъ или въ строгомъ значеніи этого слова—пусть говорятъ о томъ лѣтописи прошедшаго. Мы же только спросимъ: много ли было людей, слагавшихъ съ себя высшія государственныя должности, а съ ними прелесть и обаяніе власти и почестей — въ сознаніи своего безсилія исполнять свои обязанности? И здѣсь опять останется тайною, что вынесла душа его въ эти минуты. И кто знаетъ, этотъ потряс-

шій все его нравственное существо переворотъ, не зародилъ ли тотъ скрытый внутренній недугъ, отъ котораго такъ внезапно князь скончался? Такъ кончилось государственное поприще человѣка, жестоко испытаннаго судьбою, но вездѣ, гдѣ онъ былъ, оставившаго глубокій слѣдъ честности и гражданскаго мужества, о которомъ хоть и свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ, ибо такіе люди были и будутъ, какъ крупные жемчуги, всегда рѣдки.

При такихъ сторонахъ его природы легко понять, чѣмъ былъ покойный князь, какъ другъ Государевъ. Изъ устъ его не исходила ни лесть, ни неправда. Передъ лицомъ Государя, передъ лицомъ Императрицы онъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ передъ меньшимъ изъ своихъ подчиненныхъ: всегда свѣтелъ, всегда правдивъ, всегда добродушенъ и довѣрчивъ въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и событіяхъ, всегда почтителенъ къ другимъ и всегда неумолимо строгъ только къ самому себѣ. Словомъ, будучи ближе всѣхъ къ Государевой семьѣ, онъ остался до послѣдняго дня своей жизни человѣкомъ и христіаниномъ! Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ былъ свѣтелъ не отблескомъ того міра, гдѣ вращался, но свѣтомъ самостоятельнымъ и

собственнымъ свѣтомъ души своей, какъ мы сказали, не знавшей зла, но твердо вѣрившей въ добро..... **К. В. М.**

(Изъ № 10-го Рус. Инв.).

Дозволено цензурою.
С.-Петербургъ, 16-го Января 1868 года.

Въ Военной Типографіи
Въ зданіи Главнаго Штаба.
1868.

